

БИБЛИОТЕЧКА ГАЗЕТЫ «ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК»

Давид Генделев

**ИЗ ИСТОРИИ
ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ
ПЕТРОЗАВОДСКА**

(Очерк)

ПЕТРОЗАВОДСК 2002

ББК 86.3

Г 34

Петрозаводская еврейская община
выражает благодарность

ФЕЛИКСУ БУХМАНУ (Израиль)

за помощь в издании этой брошюры.

קהילת יהודית בפטרוזבודסק מודה

לפליקס בוכמן (ישראל)

**על העזרה ביציאת
לאור את החוברת הזאת**

Давид Генделев

Г 34 Из истории еврейской общины Петрозаводска: Очерк /Давид Генделев;
Еврейская религиозная община. – Петрозаводск, 2002.
(Библиотечка газеты «Общинный вестник»; Вып.5)

ББК 86.3

ISBN 5-900726-11-8

Предлагаемый вниманию читателей очерк является первой попыткой рассказать о 150-летней истории еврейской диаспоры города Петрозаводска. Автор ставил перед собой задачу кратко рассказать о том, когда и как появились евреи в нашем северном городе, никогда не входившим в черту еврейской оседлости, как они осваивались на новом месте и становились полноправными и достойными членами местного общества, сохраняя в то же время свое еврейство, свои обычаи и традиции, как зарождалась, развивалась и затем официально оформилась еврейская община Петрозаводска.

При написании очерка автор столкнулся с крайней ограниченностью имеющихся источников. По существу единственным источником послужили архивные документы, сохранившиеся в фондах Национального архива Республики Карелия, и небольшое число публикаций в газете «Олонецкие губернские ведомости». Автор не ставил перед собой задачу осветить жизнь евреев Петрозаводска в период после 1917 г. Это совершенно другая история, и она еще ждет своего исследователя.

Первые евреи в Олонецкой губернии появились, по-видимому, в середине 40-х годов XIX в. Это были солдаты, взятые в армию по рекрутским наборам в соответствии с указом Николая I от 26 августа 1827 г., или, как их еще называли, «николаевские солдаты». Имеются документальные свидетельства того, что уже в 1845 – 1846 гг. в г. Вытегре в расквартированном там 2-м округе путей сообщения среди нижних чинов были евреи, причем в таком количестве, что военное начальство должно было разрешить им за городом «на бичевнике реки Вытегры» устроить молельню.

К этому же времени относятся и первые сведения о евреях в Петрозаводске. В Национальном архиве Республики Карелия сохранилась «Ведомость об иноверцах в г. Петрозаводске» за 1846 г., из которой следует, что в городе числилось 23 еврея. В ведомости ничего не говорится об их социальном положении, но, скорее всего, это – солдаты, проходившие службу в Петрозаводском внутреннем батальоне. Есть сведения за 1852 г. Тогда в числе 9130 жителей Петрозаводска было 22 еврея: 18 мужчин и 4 женщины – солдаты местного батальона и члены их семей.

В разные годы число служивших в Петрозаводском батальоне солдат евреев было различным, иногда достаточно большим. Так, по сведениям, опубликованным в «Памятной книжке Олонецкой губернии», в 1856 г. в Петрозаводске жило евреев 214 мужчин и 23 женщины. В 1859 г. командир батальона в рапорте губернатору писал: «В настоящее время во вверенном мне батальоне простирается военнотружущих евреев, кроме их жен и детей, сблизительно до 200 человек».

Однако всем остальным евреям жить в Петрозаводске не разрешалось. Олонецкая губерния, так назывался тогда наш край, находилась за пределами черты еврейской оседлости. Конечно, запрет проживать здесь вовсе не означал, что евреи сюда не попадали. Но всякий раз это было нарушением российских законов и влекло за собой репрессивные последствия.

Так, в декабре 1844 г. к городничему города Повенца (тогда Повенец числился городом) доставили двух евреев – мещан Витебской губернии Иделя Шимсаковича Макваца, 25 лет, и его шурина Монаса Давидова Баранова. На допросе они показали, что уже второй год, как «с плакатным паспортом» отправились с родных мест, занимаясь лужением и починкой медной посуды. Они побывали в Белозерском и Кирилловском уездах, а оттуда прибыли в Олонецкую губернию. Около трех месяцев работали в Вытегре и Вытегорском уезде, затем были в Вознесенье и передвигаясь от деревни к деревне добрались до Повенца.

До сих пор их пребывание здесь внимания властей не привлекало. Но повенецкий городничий оказался чиновником бдительным. «Имея в виду предписание господина начальника губернии... о неослабном наблюдении за приезжающими евреями», он их арестовал и в январе 1845 г. отправил под охраной в Петрозаводск. При аресте у них были изъяты 12 руб. 28 ½ коп. серебром – весь их заработок.

В Петрозаводске Макваца и Баранова посадили в тюрьму. Надо полагать, они изрядно испугались, так что почти сразу по прибытии, а именно 16 января 1845 г. тут же в тюрьме написали прошение на имя губернского прокурора, в котором заявили о желании креститься и принять христианскую веру. Полтора года дело решалось в духовной консистории и закончилось тем, что они были в июне 1846 г. крещены в здешнем Петропавловском соборе и получили новые имена и фамилии.

Конечно, не всегда последствия были таковы. Чаще всего незаконно приехавших евреев принудительно выселяли из пределов губернии.

Как правило, в Петрозаводском батальоне служили не новобранцы. За плечами почти каждого солдата были многие годы тяжелой службы. Сохранился в архиве список «нижним чинам еврейского закона» Петрозаводского батальона, составленный в октябре 1864 г., из которого следует, что, например, рядовой Шимель Мотдей был взят в службу в 1850 г.,

следовательно служил уже пятнадцатый год, Давыд Эдвабный, Берка Цильман, Мовша Мрус служили с 1852 г. Большая часть солдат вступила в службу в 1853-1855 гг. А было несколько рядовых в нестроевой команде, или, как она тогда называлась, в «команде неспособных»: Фраим Куква, Абрам Рожинский, Иосель Гит, Хаим Берман, тянувших солдатскую лямку по 16 – 18 лет.

Среди служивших в это время евреев был один унтер-офицер, 7 музыкантов, 2 барабанщика, оружейники. Но в основном это были рядовые стрелки. Из послужных списков (к сожалению, их сохранилось очень мало) видно, что родом эти солдаты из Виленской, Ковенской, Полоцкой и других губерний черты оседлости. Многие, подобно Абраму Вайвилевичу, Шмуйле Лейбовичу, начинали службу в Псковском, Киевском и других батальонах военных кантонистов.

Среди солдат евреев были такие, кто прежде, чем попасть в Петрозаводск, принимал участие в войнах, о чем свидетельствовали их награды. Так, Зельман Бенковский, Абрам Вайвилевич, Гирш Панпер, Шимель Мотдей и др. имели бронзовые медали на Владимирской ленте за войну 1853 – 1856 гг., то есть за участие в Крымской войне. Многие имели нашивки за беспорочную многолетнюю службу.

В условиях военной службы, особенно, если учесть, что перед этим в большинстве своем эти солдаты еще совсем детьми прошли воспитание в школах кантонистов, сохранить еврейство, верность своим традициям и обрядам было совсем не легко. Можно себе представить, чего им это стоило. Оторванные от родных мест и родных людей на многие годы, а практически навсегда, они попадали в чужую языковую среду, в совсем чуждые им условия жизни. Здесь все было чужое – служба, обычаи, привычки, даже пища. И тем не менее они сохраняли свое еврейство. Случаи принятия христианства среди солдат, расквартированных в Петрозаводске, были крайне редки. Архивные документы сообщают, что, например в 1859 г. таких солдат оказалось только 6 человек, а в 1863 г. – всего один. Кстати, как видно из дела о крещении в 1863 г. солдата Товия Мелеха, за переход в христианскую веру ему полагалось единовременное пособие в сумме 7 руб. 15 коп.

Еврейская жизнь солдат протекала отнюдь не без проблем. В Своде военных законов была статья, которая содержала следующее правило: «Где нет ни синагоги, ни раввина, там начальство дозволяет им (т.е. солдатам. – Д.Г.) собираться для молитвы в указанном месте под наблюдением одного надежного товарища, избранного ими для исправления должности раввина»; и далее: «место для сих собраний назначается начальством». Батальонный командир подполковник Харитонов, как видно из документов, достаточно лояльно относившийся к служившим в батальоне евреям, выделил место для «молитвенных собраний» в казарме 2-й роты. Только здесь, собираясь вместе, солдаты-евреи имели возможность общаться относительно свободно, не соблюдая обычной воинской дисциплины, разговаривать друг с другом на родном языке, вспоминать близких, ну и, конечно же, молиться.

Однако в марте 1855 г. командир корпуса запретил использовать казарму под молитвенное помещение. Поскольку в Петрозаводске в это время среди гражданского населения евреев еще не было и, следовательно, не было ни синагоги, ни раввина, солдаты евреи были лишены возможности, как утверждал их батальонный командир, «собираться в одно место для совершения обрядов их веры и молитв, не только в дни суббот, но даже и в главных годовых их семь праздников».

Командир батальона пытался помочь своим солдатам. Он многократно обращался к губернским властям с просьбой выделить в городе дом для «молитвенной школы». Власти, ссылаясь на действующие законы, всякий раз отказывали. «Устройство синагог и молитвенных школ допускается только в местах оседлости евреев, а... Олонецкая губерния не причислена к числу губерний, где дозволено проживать евреям, – так отвечало губернское

правление. – Военнослужащим евреям дозволяется собираться на молитву в указанном начальством месте», то есть в том месте, которого как раз и не было.

Переписка между командованием батальона и гражданскими властями длилась несколько лет и закончилась без видимого результата. Однако желание солдат евреев иметь свой дом, в котором бы они могли собираться, совершать свои обряды и молитвы, было настолько неодолимо, что они на свои скудные солдатские деньги купили в Петрозаводске дом и устроили в нем молельню.

Казалось бы вопрос решился. И действительно, года три все шло вполне спокойно. Но вдруг власти опомнились. Оказывается, «еврейскому обществу особого дома иметь не дозволяется законом», и городская дума в феврале 1868г. решила принудительно продать дом. Тогда солдаты принимают, можно сказать, неординарное и беспрецедентное решение: передать дом «в собственность местного губернского батальона для того, чтобы мы могли в нем иметь постоянное богослужение». В своем «приговоре» солдаты писали: «Если же по дому сему придется уплачивать какие-либо казенные или общественные сборы, то обязуемся это делать из собственных наших средств. Расходы по совершению купчей также принимаем на себя. Если же случится так, что в батальоне не будет состоять на службе ни одного еврея, то батальон имеет право продать этот дом и вырученные за него деньги разделить между беднейшими жителями г. Петрозаводска еврейского закона по усмотрению самих евреев».

Под приговором стоят подписи унтер-офицера Мовши Свечникова, солдат: Гирша Маса, Лейзера Финкельштейна, Хаима Месея, Мейзера Градуса, Иоселя Шварцмана, Лейбы Рыбкина, Абрама Шохтова, Овсея Шмойловича и многих других. Не все подписывали приговор сами: «вместо их, неграмотных, по личной их просьбе» подписались их товарищи.

Видимо, дом все же был продан, так как некоторое время еврейская молельня для солдат существовала в одной из комнат при батальонной мастерской. Но в августе 1870 г. комната эта потребовалась для батальонных мастеровых и ее у евреев забрали, разрешив им, впрочем, нанять под молельню частный дом. Но и это оказалось делом не простым. По закону нижним чинам не положено было заключать контракт на аренду дома. Выход был найден: к этому времени в городе уже появились первые бессрочноотпускные солдаты евреи (об этих солдатах см. ниже), и один из них – Давид Тейхерт оформил контракт на свое имя. Некоторое время еврейская молельня помещалась близ реки Неглинки в доме крестьянина Гуркина.

Почему мы так подробно рассказываем о жизни солдат евреев, служивших в Петрозаводском батальоне? Ведь, строго говоря, они не были в полном смысле городскими жителями, а лишь несли здесь воинскую службу. Но дело в том, что именно эти солдаты, как мы увидим дальше, и явились основателями еврейской общины нашего города.

Реформы Александра II внесли большие перемены в жизнь еврейского населения России. И хотя евреи не были уравнены в правах с остальными подданными империи, все же в огромном всероссийском гетто, каким по существу была черта оседлости, образовалась существенная брешь.

Не будем останавливаться на всех законах о евреях, изданных в 60-е годы XIX в. Укажем лишь на те, которые сыграли решающую роль в судьбе еврейского населения Петрозаводска.

Закон 28 июня 1865 г. предоставил евреям ремесленникам право проживать повсеместно в России. При себе им разрешалось иметь членов своих семейств, то есть жен, детей и несовершеннолетних братьев и сестер. Так в нашем городе появились первые евреи ремесленники.

Число их было не велико. Петрозаводск в то время был городом небольшим. Да и обустройство на новом месте выходцев из пределов черты оседлости сопровождалось це-

лым рядом условий, выполнить которые было не так уж легко. Прежде всего, ремесленники евреи получали право жить в городе по особым паспортам в качестве временно проживающих. А чтобы получить такой паспорт, надо было представить в городскую думу свидетельство на звание мастера или подмастерья, выданное ремесленной управой с прежнего места жительства. Причем ничем иным, кроме обозначенной в цеховом свидетельстве профессии, этот ремесленник заниматься не мог. Это правило впоследствии не единожды приводило к возникновению конфликтов между властью и ремесленниками. Конфликты заканчивались иногда высылкой из города провинившегося со всем его семейством.

Первые ремесленники евреи в Петрозаводске начали появляться в конце 1860-х – в 1870-х гг. Среди них были портные Лейба Альшиц из Орши, Моисей Кац из Невеля, Рувим Левин из Борисова, Моисей Пивоваров из Динабурга, Яков Рубашкин из Полоцка. Из Витебска приехали часовщики Иосиф Свирский, Ерухим Хазен и Евсей (Авсей) Штейнзац, из Динабурга – красильщик Иосиф Мешель, из Вильно – перчаточник Мордух Мауерштейн, из Режицы – колбасник Михаил Ценципер.

Несколько позже в городе поселились часовщик Хаим Рубин из Вильно, портные Шолом Авербух и Шмул Лившиц, слесарь Шавель Дынер, шапочник Пейсах Пятов из Полоцка, портные Израиль Бернштейн (Беренштейн) и Абрам Роткович из Минской губернии, кузнецы Пейсах Блехман, Липман Давыдов из Режицы и Залман Трок из Ковенской губернии, сапожник из Сурожа Яков Роскин. Численность евреев ремесленников в Петрозаводске пополнялась и в последующее время.

Не все из тех, кто первыми приехали в наш город, остались в нем навсегда. Однако многие по настоящему укоренились здесь, обзавелись большими семьями, их потомки затем долгие годы прожили в Петрозаводске. Сыновья, как правило, наследовали занятия своих отцов, либо обучались какому-то иному мастерству. Так, один из сыновей портного Моисея Каца Соломон пошел по стопам отца, а другой сын – Давид стал часовых дел мастером и был известен в Петрозаводске даже и в послевоенные годы. Сын сапожника Якова Роскина Мендел выучился на фотографа и когда-то был очень популярен в нашем городе. Детям некоторых ремесленников удалось получить высшее образование.

Проживавшие по временным паспортам ремесленники формально не числились гражданами Петрозаводска, а оставались минскими, полоцкими, виленскими и т.д. мещанами, но имели право жить в городе как занимающиеся ремеслом и торговлей.

25 июня 1867 г. был принят закон «Об устройстве отставных и бессрочноотпускных нижних чинов». Этот закон давал отслужившим в армии солдатам евреям право не только жить там, где они пожелают, то есть и вне черты оседлости, но и право приписываться с женами и детьми повсеместно в число городских сословий – в мещанство и купечество. Следует, однако, оговориться: право это признавалось только за теми евреями, кто поступил в службу на основании рекрутского устава. Те же, кто проходил военную службу по новому уставу о воинской повинности, который был введен в России в 1874 г., таким правом не пользовались и после окончания службы обязаны были вернуться к своему прежнему месту жительства.

В Национальном архиве Карелии сохранились документы (правда, их не очень много) о приписке отслуживших в русской армии свои 12 – 20-летние сроки евреев к числу городских сословий Петрозаводска. В основном это происходило в 1869 – 1875 гг. Были ли приписки до 1869 г. по сохранившимся документам установить не удалось. Хотя определенно можно утверждать, что какое-то число евреев солдат, вышедших в отставку, поселилось здесь еще до введения закона 1867 г.

Так, например, в 1865 г. на Набережной улице в Петрозаводске существовала «ресторация с продажей питий», которую содержала жена отпускного рядового Шмула Бобермана. На той же улице находилось и «трактирное заведение» отпускного рядового Гирша

Каца. На каком праве жили в городе эти евреи (возможно, кто-то еще), трудно сказать. Вполне вероятно, что они до этого здесь служили, а теперь числились в отпуске; ведь не случайно в документе они названы не отставными и не бессрочноотпускными, а просто отпусковыми.

Среди первых евреев, приписанных в число петрозаводских мещан, были Нохим (Нахим) Альперович, Энох Беневич, Гирш Ватенберг, Илья Вендров, Шмул Глинер, Берка Гольдман (или Гольцман), Самуил Госмер, Абрам Златкин, Вульф Кан, Насон Левин, Шмул Лившиц, Абрам Манербергер, Евсей Марковский, Герш Мас, Хаим Мессель, Манес Мойзель, Шимель Мотдей, Зельман Парийский, Иосиф Пороховников, Мордка Рубин, Гирш Рудковский, Арон Рыбак, Давид Тейхерт, Айзик Шиберштейн (Шеберштейн), Хаим Шпильберг, Давид Эдвабный (Едвабный и Гедвабный) и др. Эти-то евреи и составили ядро будущей еврейской общины в нашем городе.

60 – 70-е гг. XIX в. явились, таким образом, временем, когда сложилась еврейская община Петрозаводска. Община была еще очень малочисленной и никак организационно не оформившейся, но она уже существовала. Ее составляли приписанные к городским сословиям, преимущественно к числу мещан, отставные и бессрочноотпускные солдаты и небольшое число ремесленников, живущих по временным паспортам.

К этому времени в городе кроме еврейского молитвенного дома, о котором мы говорили выше, существовало и еврейское кладбище. Не известно время появления еврейского кладбища. Надо полагать, что оно возникло тогда, когда в здешнем батальоне появились первые солдаты евреи, и служило вначале для захоронения умерших солдат и членов их семей. Существует документ от июля 1873 г. – постановление городской думы о выделении дополнительного участка земли для расширения еврейского кладбища. Постановление это было принято по ходатайству губернского воинского начальника.

Кладбище сохранилось и до наших дней. Самое древнее из обнаруженных захоронений относится к 1869 г. На надгробном камне можно прочесть надпись на еврейском языке: «Замужняя женщина скончалась 25 адара 629» (февраль 1869 г.). К сожалению, время не сохранило нам ни имени, ни фамилии этой женщины. Мы не знаем, старой она была или молодой. Возможно, что это была солдатская жена. Самая поздняя из сохранившихся могил датирована 1947 годом. Здесь уже надпись на русском языке: «Гуревич Аврам Хаймович. Сконч. 21 янв. 1947 г. Родился 1895 г.».

Еврейская община не могла, разумеется, существовать, не имея раввина. Люди женились, умирали, рожали детей. Все связанные с этими событиями духовные требы в те времена были немислимы в отсутствие раввина.

По-видимому, еще в первой половине 1860-х гг. в городе появился человек, который имел все данные, чтобы исполнять обязанности раввина. Им был Ицко Гуревич из г. Вильно, по общему мнению, человек «вполне достойный». В течение ряда лет он совершал в городе все, что требовалось от раввина: бракосочетание, обрезание и т.д. Он же исполнял обязанности резника, без чего община также не могла жить, и учил детей еврейской грамоте. Гуревич вполне устраивал не только самих евреев, но и командование батальона. При необходимости он обслуживал не только евреев Петрозаводска, но и солдат, служивших в уездных командах в других городах Олонецкой губернии.

Какое-то время и гражданские власти мирились с присутствием Гуревича в Петрозаводске. Однако в 1872 г. они вдруг обратили внимание на то, что Гуревич не имеет права жить в нашем городе. «Резничество» власти не признали ремесленным занятием. Было принято решение выселить Гуревича из Петрозаводска. Началась довольно продолжительная тяжба между евреями, с одной стороны, и губернским правлением, – с другой. Евреи отстаивали свое право иметь возможность следовать своим обычаям и соблюдать традиции, что без раввина было немислимо.

20 декабря 1872 г. солдаты Петрозаводского батальона и живущие в городе бывшие солдаты обратились к губернскому воинскому начальнику с просьбой, чтобы он ходатайствовал перед губернатором «о дозволении Гуревичу по-прежнему иметь жительство в Петрозаводске и исполнять духовные наши требы». Под этим обращением подписалось более сорока человек. И среди них рядовые Илья Скорлубский, Арон Рыбак, Абрам Ихелевич, унтер-офицер Давид Едвабный, барабанный староста Мовша Свешников, рядовые Вульф Кан, Абрам Месель, бессрочноотпускные Хаим Месель, Лейба Рыбкин, Самуил Лившиц и другие.

И все же губернское правление не вняло просьбам ни евреев, ни даже воинского начальника и потребовало выслать Гуревича из города. Правда, с исполнением этого решения никто не спешил, и Гуревич еще целых три года жил в Петрозаводске относительно спокойно и продолжал исполнять обязанности раввина.

Но в 1876 г. губернское правление вспомнило о Гуревиче. Губернский воинский начальник вновь обратился к гражданским властям с убедительной просьбой не трогать его. Свою просьбу воинский начальник аргументировал следующим образом: «Преподавание закона Божьего, наставления в вере, отправление богослужений и обрезание младенцев и выдачи метрических свидетельств раввином, близко известным и снискавшим расположение, есть дело большой важности». Но и на сей раз губернское правление было непреклонно. После длительных обсуждений в ноябре 1876 г. последовало решение: запретить Гуревичу исполнять обязанности раввина и «подвергнуть его и соучастников с ним законному преследованию».

Однако на этом дело не закончилось. В марте следующего года петрозаводские евреи направляют на имя губернатора новое прошение. В нем так подробно и убедительно рассказано о жизни общины и ее духовных нуждах, что есть необходимость привести из этого прошения достаточно пространную цитату:

«В г. Петрозаводске находится всех евреев обоюго пола и возраста на постоянном жительстве 150 человек, кроме воинских нижних чинов евреев же, служащих в губернском батальоне, и до 150 человек в городах и уездах Олонецкой губернии, так что всех около 300 человек. Раввина же для исполнения религиозных обрядов веры нашей нет и средств для содержания раввина тоже. До сих пор необходимые обрядности исполнялись одним из нашей среды человеком, знающим в теоретическом и практическом отношениях. А главное, для исполнения треб закона Моисеева могут быть допущены лишь люди религиозные, нравственные и знающие закон на древнееврейском тексте. Из среды всех нас есть в Петрозаводске виленский мещанин Гуревич, который вполне мог бы заменить в нужных случаях должность раввина. Но так как Гуревич обязан подпиской, чтобы отнюдь не исполнять обрядов по делам веры своих единоверцев, стало быть и кроме Гуревича также никто не имеет права на это. Таким образом мы находимся в безвыходном положении...

В настоящее время у некоторых из нас родились дети мужского пола, над которыми обряд обрезания, как бы следовало по закону Моисееву на восьмой день, не исполнен, и само собой разумеется, имена им не наречены. Кроме того, может встретиться важнее случай, например, кто-либо умрет. Кто же тогда исполнит последний долг погребения над умершим? Вызывать же раввина для исполнения сказанных обрядов вещь немислимая, во-первых, потому, что никто не согласится ехать по случаю дальнего расстояния, во-вторых, нет средств для этого, в-третьих, если допустить и то, чтобы приезжал раввин для исполнения треб, то может случиться так, что сегодня совершил обряд обрезания и уехал, вслед за тем кто-либо вновь родился или умер, и так бесконечная категория, сопряженная с громадными издержками и затруднениями, и, в-четвертых, если кто умрет, не ждать же приезда раввина для погребения умершего, а кроме раввина по закону никто не имеет права совершить обряд погребения. И много подобных затруднений...»

Одновременно с коллективным прошением губернские власти стали получать и личные прошения петрозаводских евреев, в которых они настаивали на своем праве иметь возможность жить по их обычаям и традициям.

21 марта 1877 г. с прошением к губернатору обратился петрозаводский портной Лейба Альшиц. У него месяц назад родился сын. И вот он пишет: «Обряд обрезания, как бы следовало по закону Моисееву совершить на восьмой день, над ним не исполнен, а потому и имя ребенку не наречено. Раввина же для исполнения этого обряда в Петрозаводске нет». Альшиц просил, чтобы власти не препятствовали Гуревичу совершить то, что требуется. Он писал: «1. Закон иудейский для нас обязателен – исполнить обряд обрезания и наречение имени на восьмой день. 2. Требовать откуда-либо раввина – вблизи нет, да и средств не имею. 3. Чем дите старше, тем хуже потом исполнить над ним обряд обрезания, то есть большее для ребенка, так что даже опасно. 4. Грешно и даже неприятно, когда дите без имени и 5. Я лишен всякой возможности надеяться, что приедет когда-либо раввин, а сам везти ребенка туда, где раввин, не имею средств и немисливо ехать с месячным ребенком такую даль в распути».

Удивительным образом развивались события дальше. В защиту прав евреев выступил даже губернский прокурор. Он опротестовал решение губернского правления. В своем протесте он обращает внимание на то, что упорство властей вредит не только евреям, но идет вразрез с интересами государства и общества:

«В России, как в стране веротерпимой, – писал прокурор, – лицам всех вероисповеданий дозволяется исполнение богослужебных отправлений и религиозных обрядов. Между тем, если придерживаться мнения губернского правления, то евреи, несмотря на расширение их прав дозволением некоторым из них проживать во всех городах России, лишаются в то же время самого важного для них права – воспитывать детей в вере своих отцов и исполнять религиозные обряды, так как при неимении раввина или его помощника исполнение обрядов обрезания, наречения имени, ведение метрических книг о рождении, браках, смерти и т.д. немисливо. Хотя по закону еврейскому каждый относительно ученый еврей может исполнять эти требы, но закон гражданский... строго запрещает исполнение еврейских обрядов кем-либо кроме правительством утвержденных раввинов и их помощников. Последствия такого положения дела смогут быть крайне неутешительны: евреи, принужденные обстоятельствами, мало-помалу будут отставать и манкировать обрядами своей веры и сделаются людьми вредными, без всякой религии, или будут все свои обряды совершать тайно, что повлечет к возбуждению множества бесполезных дел. Отсутствие метрических книг лишит правительство возможности знать действительную цифру населения и возраста евреев, чрез что евреям представится явная и как бы законная возможность уклоняться от воинской повинности и платежа податей. Кроме того, неимение метрических свидетельств о рождении представляет препятствие к цивилизации евреев – без метрического свидетельства никто не может быть принят ни в одно учебное заведение...

...Евреи проживают в г. Петрозаводске более десяти лет, рождаются и умирают. Кто же должен вести метрики о рождении и смерти их и кто должен уведомлять о рождении и смерти те общества, к которым они приписаны? Наконец, вследствие высочайшей воли отставные солдаты и их потомство могут проживать и записываться в общества повсеместно в России. По каким же документам и по чьему удостоверению будут вносить в ревизские сказки новорожденных и делать отметки об умерших? Кроме того, есть лица из евреев, состоящие в государственной службе и по своему образованию и служебному положению не принадлежащие ни к каким податным обществам. Кто же этим лицам должен выдавать метрики? Кто должен вести списки о рождении их детей, кто должен выдавать удостоверения об их браке и смерти?».

Надо иметь в виду, что в то время никакой гражданской регистрации рождений, браков, смерти не существовало. Так что прокурор знал, что писал.

На это обстоятельство, а именно на то, что в городе совершенно не ведутся метрические книги на евреев, обращали внимание еще ранее сами евреи, живущие в Петрозаводске. Так, в 1874 г. петрозаводский купец Гирш Кац писал в городскую управу о том, что в городе не ведется ни списков, ни каких-либо книг, куда бы записывались родившиеся, сочетавшиеся браком или умершие евреи, что по этой причине даже метрики получить им неоткуда. А без метрик нельзя поступить ни в одно учебное заведение. Более того, отсутствие метрик, и этот аргумент он, видимо, считал совершенно неотразимым для начальства, позволяет недобросовестным людям «избежать исполнения воинской повинности». Кац просил, «чтобы еврейскому населению в г. Петрозаводске, подобно другим нациям, велись правильные и точные сведения», а для этого были выданы особые книги и назначено особое ответственное лицо. Увы. И эта совершенно очевидная необходимость долгое время не находила решения.

Письмо Г. Каца совпало по времени с одним мероприятием, имевшим отношение ко всей империи. 2 октября 1874 г. Комитет министров издал Положение о производстве переписи всего мужского еврейского населения. Вызвано это было, надо полагать, переходом на новый порядок формирования армии, когда вместо рекрутчины вводилась воинская повинность. И здесь власть столкнулась с тем, что возраст многих мужчин евреев неизвестен. Местным по воинской повинности присутствиям предложено было определять возраст по внешнему виду.

Но вернемся к протесту прокурора. Он не только не соглашался с мнением губернского правления, но позволил себе бросить явный упрек местным властям. И даже больше – российскому законодательству: «На все эти вопросы не отвечают существующие законы об управлении духовными делами евреев. А потому я полагаю, – писал прокурор, – что губернское правление вместо того, чтобы отказывать евреям в их ходатайстве, в интересах правительства должно было бы войти с представлением надлежащим порядком о разъяснении и дополнении статей закона XI т. Уст. духовных дел иностранных исповеданий относительно евреев в законодательном или административном порядке».

В своем коллективном прошении, о котором речь шла выше, петрозаводские евреи просили местное начальство: если нельзя оставить Гуревича в качестве раввина, то хотя бы причислить их «относительно исполнения обрядов веры – санкт-петербургскому раввину», а Гуревича зачислить к нему помощником «для исполнения религиозных обрядов в Петрозаводске». Санкт-петербургский раввин доктор философии Дабкин знал Гуревича и был согласен иметь его своим помощником, «если не будет препятствий со стороны олонекского губернского начальства».

Губернский прокурор также поддержал эту идею. Он писал: «Что касается личности, которая может исправлять должность помощника раввина, то это дело второстепенное, и для определения того, обладает ли Гуревич правоспособностью быть раввином, я не считаю компетентным в этом деле ни себя, ни губернское правление. Знаю только, что Гуревич как по отзывам частных лиц, так и полиции поведения безукоризненного». Здесь позиция прокурора была очень близка к позиции петрозаводских евреев. Они боролись не персонально за Гуревича, а за свое право быть евреями, то есть беспрепятственно следовать обычаям и традициям своего народа и, прежде всего, иметь возможность исполнять обряды своей религии.

Заканчивает прокурор свой протест призывом к губернскому правлению «в дальнейшем ходе дела поступать по закону».

Губернское правление и поступило по закону. Оно проигнорировало протест прокурора и подтвердило запрет Гуревичу исполнять обязанности раввина. По вопросу о том,

может ли он быть помощником раввина, в постановлении губернского правления было сказано: по закону, помощник раввина может назначаться лишь в тех обществах, которые насчитывают более 1000 евреев. В Петрозаводске же такого числа евреев нет, стало быть и помощник раввина здесь не положен.

Дело с Гуревичем кончилось в конце концов тем, что против него было возбуждено судебное преследование. Паспорт от него отобрали, передали судебному следователю, и он вынужден был покинуть Петрозаводск.

После высылки Гуревича из Петрозаводска община осталась без человека, имеющего достаточные познания об основах религии, об обрядах и обычаях своего народа и необходимые навыки и умение исполнять эти обряды. Это, безусловно, не означает, что прекратилась еврейская жизнь в городе. По-прежнему люди молились, отмечали свои праздники, у них рождались дети, и нужно было совершать обрезание и наречение имени, женились, и кто-то должен был совершать обряд бракосочетания, наконец, люди умирали, и требовалось совершать обряд над умершим. Молиться и отмечать праздники евреи могли, конечно, и самостоятельно, но для совершения всех необходимых обрядов требовался если и не раввин, то хотя бы знающий все это еврей.

К сожалению, архивные документы не позволяют составить сколько-нибудь цельную картину жизни еврейской общины в то время. В архивы попадают только документы государственных учреждений или документы, как-то связанные с деятельностью этих учреждений, либо тем или иным образом касающиеся интересов государства. В них ничего нет о частной жизни рядовых граждан. Мы можем предполагать, что петрозаводским евреям приходилось, как это было и во многих других районах России за пределами черты оседлости, для совершения обрядов уезжать в те города, где имелся раввин, или приглашать раввина в Петрозаводск, что было связано с массой неудобств и, главное, с большими расходами, которые не всем были по карману. Существовал, наконец, и третий путь – обходиться местными силами, совершая обряды втайне от властей. Ведь согласно российским законам запрещалось кому-либо, кроме казенных, то есть правительством утвержденных, раввинов, исполнять все необходимые обряды.

Среди дел, которыми занимался в Петрозаводске Гуревич, было и обучение детей иудейской вере и еврейской грамоте. И надо сказать, что это являлось очень важной частью его обязанностей. Каждый еврей, даже самый бедный, считал святым долгом научить своего ребенка (это относилось, разумеется, прежде всего к мальчикам) хотя бы основам религии и обязательно умению читать, дабы он мог самостоятельно читать Тору. Следует также иметь в виду, что обучение детей чтению на родном языке являлось чуть ли не единственным достаточно эффективным средством сохранить язык в тех условиях, в которых пришлось жить евреям вне черты оседлости.

Государственной еврейской школы в Петрозаводске никогда не существовало, и поэтому обучение детей было исключительно делом самих родителей. Каждый находил свой собственный способ решить эту проблему. Пока здесь был Гуревич, он вполне справлялся с этой задачей. Но и после его высылки из города попытки учить детей еврейской грамоте не прекращались. Как не прекращалось и стремление властей воспрепятствовать этому.

В 1878 г. до полиции дошли «слухи», что какой-то еврей, живущий на Старополицейской улице (теперь – ул. Пушкинская), занимается обучением грамоте еврейских мальчиков, не имея на это разрешения. Помощник городского пристава, отправившись к нему домой, застал там сыновей здешних евреев: Каца, Хазена, Загона, Левина, Мауэрберга, Лившица, «сидевших за столами, на которых перед каждым из них лежали книги, печатанные по-еврейски. Тут же на стульях лежало несколько тетрадей, исписанных еврейским письмом». Учителем оказался мещанин Могилевской губернии Шолом Ицков Сенектор. Было предпринято целое следствие, в результате которого выяснилось, что Сенектор прие-

хал в Петрозаводск «для занятия выделкою дрожжей» и учить детей ему не положено. Губернское правление обвинило местную полицию в плохой работе и предписало строго следить, чтобы до высылки Сенектора из города он не занимался тем, чем ему не разрешено, и вообще «иметь самое тщательное наблюдение за приезжающими в город со стороны лицами, особенно евреями».

В 1879 г. в городе появился отставной солдат Рувим Абрамович Московский, который также занялся обучением детей. Родом он был из Режицкого уезда Витебской губернии, служил рядовым в 63-м пехотном Суздальском полку. 30 августа 1877 г. «в деле с неприятелем под Плевною», сказано в его формуляре, был ранен, после чего уволен из армии на один год «для поправления здоровья». Видимо, рана оказалась достаточно тяжелой, так как затем комиссия признала его «совершенно неспособным к продолжению... службы». Как отставной солдат городским приставом он был записан в городскую книгу, что, как мы увидим дальше, было «ужасной» ошибкой петрозаводской полиции.

Понимая, что долго скрывать свою деятельность от властей в таком городке, как Петрозаводск, невозможно, да он наверное и не считал, что делает что-то предосудительное, Московский в декабре 1879 г. обратился к олонекскому губернатору с прошением, в котором писал: «А как я чрез полученные раны не способен снискивать себе пропитание... осмеливаюсь покорнейше просить ваше превосходительство о дозволении мне, согласно удостоверению раввина, обучать еврейских мальчиков иудейской вере, так как я по испытании оказал достаточное знание и успехи в познании еврейского закона и в случае разрешения обязуюсь дать подписку в том, что я буду обучать собственно только иудейской вере».

Как видим, Московский заручился нужными документами, удостоверяющими его квалификацию, на всякий случай дал обязательство ничему кроме иудейской веры детей не учить. Однако все это ему не помогло. Прощение было передано на рассмотрение в губернское правление, которое определило: поскольку Рувим Московский не является ремесленником, жить в Петрозаводске он не имеет права. Не имеет права он оставаться здесь и как отставной солдат, так как призван в армию в 1876 г., то есть уже после введения устава об общей воинской повинности, а на таких лиц закон, разрешающий отставным солдатам евреям жить вне черты оседлости, не распространяется.

20 января 1880 г. Московский был выслан из пределов Олонецкой губернии. А городской пристав Остроумов, признанный виновным в том, что без должного основания записал еврея в городскую книгу, так сказать, «за потерю бдительности», был уволен от занимаемой должности.

Однако (в 1881 или 1882 г) Рувим Московский вновь появился в Петрозаводске, на этот раз заручившись ремесленным свидетельством Режицкой ремесленной управы на ремесло переплетчика. В течение почти десяти лет прожил он в Петрозаводске, занимаясь обучением детей (разумеется, нелегально) и своим ремеслом.

Наконец, полиция все же добралась до него. В феврале 1891 г. в его квартиру, а жил он в доме чиновника Боскова по Соломенской улице (теперь – ул. Куйбышева), внезапно заявился сам петрозаводский полицмейстер. Там он «нашел, – как записано в постановлении городского полицейского управления, – целую еврейскую школу с еврейскими элементарными учебниками». И хотя Московский объяснял в полиции, что обучает детей по просьбам их родителей, что ежемесячно получает за это не более 18 рублей, чем обеспечивает существование жены и четверых детей, а главное, когда есть заказы, занимается и переплетным мастерством, ничто не помогло. Полицейское управление пришло к заключению, что Московский «главным своим занятием избрал обучение еврейских детей, на что не получил даже ниоткуда разрешения, звание же переплетного мастера для него служит правовым прикрытием на жительство в г. Петрозаводске», и постановило выселить Рувима Московского из города.

Известно и еще об одной попытке получить официальное разрешение обучать еврейских детей. В январе 1882 г. 12 евреев из отставных солдат подали прошение инспектору народных училищ, в котором писали: «Имеем малолетних детей, обучением которых к самым необходимым молитвам на родном еврейском языке мы по разным отраслям занятий наших положительно не имеем свободного времени» и просили разрешить такому же как они отставному солдату Минозу Мезену «заняться обучением детей наших необходимым молитвам на еврейском языке».

Интересно отметить, что прошением преследовалась еще одна цель – помочь бедному человеку обрести источник существования. Дело в том, что Миноз Мезен – «бедный и убогий еврей из отставных рядовых» был определен «на призрение в богадельню». «Но, – как писали просители, – по еврейскому закону он не желает поступать в оную», а обучая детей, «будет иметь от нас хотя кусок хлеба для своего существования и приют».

В результате продолжавшегося почти целый месяц изучения вопроса инспектор пришел к следующему мнению: поскольку Мезен «не имеет установленных документов на учительское звание и, руководствуясь статьями 26, 28 и 35 Положения о еврейских частных учебных заведениях и домашних учителях 13 ноября 1844 г., просьба... не может быть мною удовлетворена». Еще одна попытка придать делу обучения детей еврейской грамоте и элементарным знаниям еврейской религии официальный характер потерпела неудачу.

Петрозаводские евреи, конечно же, не отказались от возможности обучать своих детей, но вынуждены были делать это на свой страх и риск и любыми доступными им средствами.

К началу XX в. в Петрозаводске проживала 51 еврейская семья – 254 человека. В социальном отношении большинство составляли ремесленники. Это были портные, сапожники, часовых дел мастера, шапочники, слесари, переплетчики, кузнец, красильщик, колбасный мастер, фотограф. В жизни города они уже играли достаточно заметную роль. Как докладывал в своем рапорте петрозаводский полицмейстер, закон 28 июня 1865 г., благодаря которому евреи ремесленники поселились в городе, «способствовал к увеличению в г. Петрозаводске ремесленного производства, так, например, в 1765 г. было мастеров евреев 13 человек, а в 1888 г. – 31, следовательно с 1865 по 1889 г. увеличилось число мастеров на 18 человек». Для такого небольшого города увеличение весьма заметное.

Среди еврейского населения небольшую по численности категорию составляли так называемые «торгующие евреи». Из них только 6 принадлежали к купечеству: некоторые имели лавки в гостином дворе, один был известен как лесопромышленник, один – Р. Кац – в 1897 г. открыл первую в Петрозаводске небольшую частную типографию «Северная скоропечатня». Остальные – это торговцы так называемым мелочным товаром или даже торговцы-старьевщики, как, например, отставной солдат Лейба Яблонский, сын которого Лазарь – наборщик типографии Каца – стал известен в Петрозаводске в 1906 – 1907 гг. как один из организаторов первой социал-демократической группы.

Появились в среде местных евреев и первые образованные люди, а также мастера высокой квалификации. Некоторым из них суждено было сыграть заметную роль в истории нашего города.

В Петрозаводском уездном земстве работал врач Соломон (Савелий) Хазен, сын часовщика Ерухима Хазена. Сын портного Альшица Яков служил помощником присяжного поверенного в Петрозаводском окружном суде. В типографии «Северная скоропечатня» должность управляющего исполнял Шимон Беркович Эпштейн, как можно судить по имеющимся документам, человек весьма образованный и хороший специалист.

В числе высококлассных специалистов, появившихся в нашем городе в эти годы, безусловно должен быть назван Илья Соломонович Левин. В 1882 г. совсем молодым человеком (был ему 21 год) приехал он из Петербурга и поступил на работу в губернскую типо-

графию. В столице он успел три года проучиться наборному мастерству и четыре года проработать наборщиком в одной из типографий. С первых же дней службы в губернской типографии он зарекомендовал себя как высокий профессионал и исключительно преданный своему делу работник.

Однако не безоблачным было начало его жизни в нашем городе. По документам Илья Левин числился мещанином Виленской губернии Трокского уезда местечка Жосли. А еврей из Жосли в Петрозаводске жить не имел права, если у него не было ремесленного свидетельства. Такого свидетельства Левин не имел, а, по заключению местных властей, «он как наборщик не является ремесленником».

Попытался Илья Левин причислиться к мещанскому обществу Петрозаводска, но из этого ничего не вышло. Несмотря на то, что общее собрание мещан Петрозаводска, состоявшееся в июне 1883 г., заявило о согласии принять Левина в здешнее мещанское общество, губернские власти не утвердили это решение и постановили выселить его вместе с беременной женой из города.

Пришлось Илье Левину ехать в Виленскую губернию, добыть там свидетельство на право заниматься шапочным мастерством, и только с этим свидетельством на руках он получил право жить в Петрозаводске. Так он и жил здесь, отдавая всего себя работе в типографии, и еще содержал небольшую шапочную мастерскую.

В типографии дела молодого наборщика шли настолько успешно, что по прошествии некоторого времени его назначили сначала метранпажем, а затем фактором, то есть распорядителем всех работ. 6 декабря 1902 г. И. С. Левин был награжден серебряной медалью на Станиславской ленте с надписью: «За усердие». А 26 июля 1905 г. олонекский губернатор в своем представлении министру внутренних дел просил наградить Илью Соломоновича Левина званием личного почетного гражданина. Награждение не состоялось, так как Левин умер 15 ноября того же года от профессиональной болезни наборщиков – чахотки. Это был единственный случай за всю историю нашего города, включая и советское время, когда еврей представлялся к такой высокой награде. В похоронах И. Левина участвовали все служащие и рабочие губернской типографии, причем от дома до кладбища носилки с покойным его сослуживцы несли на руках, а в местной газете был помещен большой некролог.

И.С. Левин оставил по себе добрую память не только как умелый организатор производства, но и как способный журналист. Его корреспонденции печатались в газетах «Биржевые ведомости», «Наборщик» и в других изданиях. Он стал постоянным автором и местной газеты «Олонекские губернские ведомости». Илья Левин был первым, кто познакомил петрозаводскую читающую публику с жизнью местной еврейской общины и вообще впервые на страницах местной официальной газеты заговорил о петрозаводских евреях. В газете систематически печатались его статьи и корреспонденции: «Из жизни олонекских евреев», «Из жизни евреев», «Из жизни местных евреев» и др. В них автор рассказывал, как и чем живет еврейская община Петрозаводска. Он впервые в печати заявил о том, что в городе не ведутся метрические книги о евреях и как это обстоятельство негативно сказывается на их судьбах. Многие его статьи посвящены борьбе евреев за официальное признание существования здесь еврейской общины, за право иметь свой молитвенный дом и отправлять богослужения, за право евреев обучать своих детей на родном языке.

Нельзя не вспомнить еще одного еврея, жившего в нашем городе в начале XX в. 7 декабря 1904 г. в помещении фельдшерской школы губернского земства состоялось открытие Общества врачей Олонекской губернии. Инициатором создания общества явился доктор медицины хирург Николай Ильич Гуревич. Он же был избран первым председателем общества.

Н.И. Гуревич появился в нашем городе примерно в 1902 г. Наряду с работой в земской больнице он преподавал хирургию в фельдшерской школе, очень активно выступал с

публичными лекциями на медицинские и санитарно-просветительные темы. По существу он был первым врачом в Петрозаводске, кто занялся санитарным просвещением населения. Об актуальности его лекций говорят темы некоторых из них: «Современные цели и средства в борьбе с заразными болезнями», «Туберкулез и общественная борьба с ним», «Санитарные условия и нужды современной войны» (лекция, прочитанная в феврале 1904 г. во время только что начавшейся русско-японской войны).

Н.И. Гуревич был известен в городе и как общественный деятель. Он являлся членом совета Петрозаводского благотворительного общества, а в годы первой российской революции стал активным членом местной организации кадетской партии, часто выступал на митингах и собраниях в местном Народном доме. Летом 1907 г. Н. Гуревич был арестован, а затем выслан из Петрозаводска.

В конце XIX в. – начале XX в. еврейская диаспора была уже неотъемлемой частью петрозаводского общества. Жизнь ее членов мало отличалась, а точнее сказать, совсем не отличалась от жизни всех других горожан. Селились евреи на тех же улицах в домах местных домохозяев (по данным полиции, в начале века евреям принадлежало только 9 домов). Дети бывших николаевских солдат и первых поселившихся здесь ремесленников-евреев бегали по тем же улицам, купались в той же речке Лососинке или в Онежском озере, играли в те же игры, учились в тех же школах, что и дети других жителей города. Но при этом евреи никогда не забывали, что они евреи. Как бы ни было сложно, они соблюдали свои традиции, выполняли положенные обряды, отмечали еврейские праздники, сохраняли родной язык.

Однако евреи не могли чувствовать себя достаточно комфортно в нашем городе, поскольку были лишены важнейших для нормальной национальной жизни институтов. По-прежнему здесь не велись метрические книги для евреев. В городе не было синагоги, не было и раввина. Время от времени городские и губернские власти, внимая просьбам евреев, выдавали разрешение на «временное отправление богослужений» «в частном доме под наблюдением полиции», предупреждая, впрочем, всякий раз просителей, что «даваемое разрешение не может продолжаться продолжительное время».

Еврейское общество Петрозаводска очень остро переживало существующее положение и настойчиво повторяло свои просьбы об открытии синагоги и разрешении выбрать раввина. Без этого, писали евреи в своих многочисленных прошениях, они не могут ощущать себя полноправной общиной.

Очередное прошение было направлено губернатору 31 августа 1899 г.: «Позволяем себе обратиться к вашему превосходительству с почтительнейшей просьбой разрешить нам составить общину, для каковой цели произвести из среды нас в установленном порядке выборы правления и раввина».

И опять закрутилась бюрократическая машина. Прошение от губернатора попало в губернское правление, оттуда в городское полицейское управление с предписанием: во-первых, истребовать от просителей «надлежащим образом засвидетельствованные план и фасад дома, в котором предполагается открытие молитвенной школы»; во-вторых, выяснить, имеет ли общество необходимые средства на сооружение (если возникнет необходимость) «особого дома для молитвенной школы»; в-третьих, представить сведение, в каком расстоянии от ближайшей церкви будет молитвенная школа, и, последнее, объявить евреям, что вопрос о выборе раввина может быть решен только после разрешения вопроса об открытии молитвенной школы или синагоги и после устройства при ней хозяйственного управления.

В феврале 1900 г. было выполнено первое требование: в полицейское управление представлены план и фасад дома, расположенного на углу Екатерининской (теперь – ул. Дзержинского) и Малой Слободской улиц. Дом этот принадлежал купцу Гиршу Кацу, и тот согласен был отдать его в аренду или продать общине. По утверждению евреев, дом по

внутреннему устройству вполне подходил «для отправления богослужения». Были у общины и деньги, необходимые на покупку дома – 800 рублей добровольных взносов и пожертвований. Так что и со вторым пунктом предъявленных требований все было в порядке.

Наконец, точно было измерено расстояние от дома Каца до ближайшей Екатерининской церкви на Неглинском кладбище. Оно составляло 83 сажени. По этому пункту полицейское управление не имело никаких претензий. Более того, в его заключении сказано, что поскольку «церковь находится не по прямой линии улицы, а за мостом реки Неглинки вне городского квартала», достаточным можно считать расстояние и в 50 сажен.

Казалось бы, все в порядке, и вот-вот последует разрешение на открытие синагоги. Но этого не произошло. Строительное отделение губернского правления, куда были переданы материалы по дому, выдало следующее заключение: «Соображаясь с размером комнат, дом этот в настоящем виде не удовлетворяет своему назначению, так как, судя по числу подписавших прошение с их семействами, без расширения будет недостаточен для многочленного собрания».

Получив такое заключение, губернное правление отказало евреям. Более того, полицейскому управлению было предписано «строго наблюдать, чтобы как в доме Каца, так и в других частных домах не совершалось евреями общественного богомоления».

Как удивительно повторяется история. 1 августа 1929 г. президиум Петрозаводского горсовета рассматривал поступившее к нему заявление (не указано, от кого) о том, что «в доме на углу Малой Подгорной и Пушкинской улиц в частной квартире устроена еврейская молельня» (к этому времени синагоги в городе уже не было). Высший в городе орган советской власти принял постановление: «Согласно существующих законоположений и чрезвычайного жилищного кризиса молельню закрыть». И в том и в другом случае власти действовали одинаково: «согласно существующих законоположений».

25 сентября 1900 г. петрозаводские евреи подали губернатору новое прошение. Под ним подписались 43 человека. Просьбы все те же: разрешить открыть синагогу, учредить при ней хозяйственное управление, избрать раввина. Однако на этот раз они просят разрешения не на приспособление старого дома под молельню, а на постройку нового молитвенного дома. К этому времени еврейская община Петрозаводска сумела путем сбора добровольных пожертвований накопить некоторые средства, необходимые для начала строительства. Как это происходило, мы покажем ниже. К прошению был приложен план дома.

И вновь, как прежде, первый вопрос, который интересовал губернские власти, был все тот же: в каком расстоянии от ближайшей церкви будет находиться еврейский молитвенный дом? Городское полицейское управление, которому было поручено выяснить это, докладывало: «Ближайшая от него церковь находится на соседней Военной улице в помещении губернской земской больницы. Отстоит то место от церкви в расстоянии 102 сажени полтора аршина»: от места № 43 до угла Военной улицы (теперь ул. И. Федосовой) по Малой Слободской 32 сажени полтора аршина и по Военной улице 70 сажен. Расстояние было вполне достаточным и поэтому никаких препятствий к строительству дома не было. Строительное отделение губернского правления утвердило проект.

Окончательное решение вопроса было теперь за Министерством внутренних дел. 1 февраля 1901 г. министерство разрешило, наконец, открыть в Петрозаводске молельню, учредить при ней хозяйственное правление, установить взнос на содержание молельни в размере 5 рублей и избрать раввина, предупредив, что избрать его следует «из лиц, имеющих право на занятие таковой должности».

Таким образом, подводя некоторые итоги, можно сказать, что настойчивость и упорство, с каким местные евреи более тридцати лет боролись за право иметь полноценную общину, привели к успеху – Петрозаводская еврейская община была официально признана и

получила право осуществлять свою деятельность в пределах, разрешенных российским законодательством.

Дальше события развивались следующим образом. Полицейское управление составило список евреев, имеющих право участвовать в выборах хозяйственного правления (надо сказать, что все, что было связано с созданием и функционированием общины, происходило под бдительным оком полиции). В список были включены 53 человека – мужчины старше 25 лет и живущие в городе не менее года (именно таково было условие для получения права на участие в выборах). Но было еще одно условие: каждый желающий участвовать в выборах должен был внести пятирублевый членский взнос. После этого список уменьшился до 38 человек. Остальные не имели пяти рублей для получения права на участие в выборах.

4 марта 1901 г. в здании городской думы под руководством полицмейстера состоялись выборы хозяйственного правления. К участию в выборах явились 35 человек. Членами правления были избраны купцы Рафаил Кац и Давид Тейхерт, портные Лейб Альшиц и Исаак Мессель, красильщик Иосиф Мешель, торгующий мещанин (именно так он значился в документах) Зорух Парийский. Были избраны и три кандидата: часовщик Нахим Ольбрис, портной Израиль Бернштейн (или Беренштейн) и Абрам Карпович (чем он занимался, неизвестно).

На первых собраниях раввин не избирался. Его выборы состоялись только через год – на общем собрании 3 марта 1902 г. На этот раз в здании городской думы собралось 26 человек из 35 официально числившихся к тому времени прихожан. Девять человек по разным причинам отсутствовали. Собрание проходило в присутствии представителя полиции – помощника пристава. Предстояло избрать раввина, двух членов правления и одного кандидата.

Однако прежде чем начать избрание раввина, собрание обсудило один весьма важный для общины вопрос – об открытии школы для обучения еврейских детей. Инициатором его постановки была видимо ревизионная комиссия. Именно в ее докладе сказано о том, что члены правления призваны заботиться не только о постройке молитвенного дома, но обязаны думать о всех нуждах общины, из которых устройство школы является одной из самых насущных. В докладе отмечалось, что община уже достаточно многочисленная, но здесь нет никакой школы, и дети растут без всякого понятия о религии.

Разгорелись оживленные и продолжительные прения. На все аргументы членов правления, которые в принципе соглашались с тем, что школа необходима, но полагали, что ее устройство дело будущего, сторонники немедленного создания школы утверждали, что хозяйственное правление ошибается, так как до окончательной постройки и отделки модельни может пройти много времени, может быть несколько лет, а до того времени дети современного школьного возраста вырастут, покинут родительские дома и останутся без необходимого религиозного образования. После долгого обсуждения приняли все же компромиссное решение: предложить правлению приступить к «сбору материалов для разрешения вопроса о школе», без какого-либо определения сроков окончания этой работы.

При выборе раввина община столкнулась с определенными проблемами. Претендент на занятие места раввина должен был отвечать некоторым обязательным условиям. Он не мог быть моложе 25 лет, он обязан был постоянно жить в городе не менее года и, что оказалось самым сложным, иметь необходимый образовательный ценз, то есть как минимум обладать аттестатом зрелости. Людей, отвечающих первым двум условиям, в городе было достаточно. А вот имеющих нужное образование не хватало.

Указанным выше условиям отвечал только один член общины – доктор Соломон Хазен. Но он работал в земской больнице и оставлять свое место не желал. Хозяйственное правление так и докладывало властям об итогах собрания: «Избрать на должность раввина лицо, имеющее образовательный ценз, оказалось невозможным, так как имеющих по закону

право занять эту должность оказалось лишь одно лицо – доктор С. Хазен, который категорически отказался ввиду того, что он обременен служебными обязанностями по должности в земстве». Поэтому единственным кандидатом в раввины был назван купец Рафаил Кац. За него проголосовал 21 человек из 26. Однако, поскольку Кац не полностью удовлетворял требованиям, которые предъявлялись к кандидату на эту должность (он не кончил даже гимназии, а лишь учился в ней три года), губернские власти не могли взять на себя ответственность за его утверждение и направили представление в Министерство внутренних дел. В нем они обращали внимание министерства на то, что в «числе евреев, проживающих в Олонецкой губернии, не имеется лиц, обладающих установленным... для занятия раввинской должности образовательным цензом». Министерство сочло это обстоятельство уважительным и 7 июня 1902 г. сообщило, что с его стороны «не встречается препятствий к утверждению еврея Рафаила Каца в должности раввина г. Петрозаводска».

Теперь у губернского правления были все основания для того, чтобы утвердить избрание Р.Каца, и оно 24 июня того же года приняло соответствующее постановление, обязав одновременно общество евреев заключить с Кацем договор, который также должен быть представлен на утверждение.

Поскольку отношения между общиной и раввином строились на договорной основе, есть смысл привести здесь текст этого договора:

«Мы, нижеподписавшиеся, утвержденный в должности раввина г. Петрозаводска петрозаводский купец Рафаил Кац, с одной стороны, и петрозаводское еврейское общество, с другой стороны, заключили настоящий договор в следующем:

1) Я, Рафаил Кац, принимаю на себя исполнение указанных действующими законами обязанностей раввина для членов петрозаводского еврейского общества безвозмездно.

2) Срок службы Рафаила Каца в должности раввина определяется в три года со дня утверждения настоящего договора.

3) Вознаграждение за исполнение обрядов веры по должности раввина в отношении евреев, проживающих в г. Петрозаводске, по таксе, помещенной в конце сего договора, в отношении же евреев, не проживающих в г. Петрозаводске, предоставляется взаимному их соглашению.

4) Поступившие суммы за исполнение обрядов веры по должности раввина я, Рафаил Кац, вношу на нужды петрозаводского еврейского общества, оставляя за собою право распределять эти деньги на какие именно нужды по моему усмотрению.

5) Все расходы, сопряженные с исполнением обязанностей раввина, как-то: заготовление книг, бланков, покупка законов, печатей, канцелярских принадлежностей и т.п. должно быть отнесено на счет хозяйственного правления петрозаводской еврейской молельни.

Такса

- 1) За обряд наречения имени – от 50 коп. до 2 руб.
- 2) За совершение обряда бракосочетания – от 3 до 10 руб.
- 3) За выдачу метрического свидетельства – от 3 руб. до 10 руб. 25 коп.
- 4) За выдачу разрешения на развод или за самый обряд развода – по соглашению.
- 5) За выдачу каких-либо справок, удостоверений и пр. – по соглашению».

Договор подписали Рафаил Кац и 39 прихожан еврейской общины.

Этот договор был утвержден властями в феврале 1903 г. И первое, с чего пришлось начать свою службу раввину, было заведение метрических книг. В местной типографии отпечатали четыре книги: 1) о родившихся, 2) о бракосочетающихся, 3) о разводе браков, 4) об умерших. Пока в городе не было раввина, таких книг не существовало, и всякий раз, когда появлялась необходимость иметь то или иное метрическое свидетельство, возникала масса сложностей.

Еще многие годы, даже после утверждения должности общественного раввина, последствия тех времен давали о себе знать. Курьезный случай произошел с самим раввином Кацем. В июне 1917 г. его сын поступал в Петроградский университет. Родился он в 1896 г., когда раввина в городе еще не было. И для того, чтобы при поступлении подтвердить его возраст, пришлось отцу представить в университет удостоверение, выданное губернским правлением: «Дано сие удостоверение из Олонецкого губернского правления петрозаводскому купцу из евреев Рафаилу Гиршеву Кацу... для представления в Петроградский университет при поступлении в оный сына его Григория, родившегося 14 мая 1896 г., в том, что... в год рождения сына просителя – Григория казенных раввинов в г. Петрозаводске еще не было и метрических книг о родившихся евреях не велось, а потому метрического свидетельства о рождении помянутого сына Григория выдано быть не может, и заменяющим этот документ является единственно определение Петрозаводского окружного суда от 5 декабря 1902 г.».

Теперь, после избрания казенного раввина с таким ненормальным и, надо сказать, весьма унижительным положением было покончено.

По существовавшим тогда в России правилам, общественный или казенный раввин избирался на три года, и каждые три года происходили новые выборы. Выбор петрозаводских евреев, видимо, был весьма удачен, и на все последующие трехлетия прихожане еврейской общины вновь избирали раввином Рафаила Каца. Так продолжалось вплоть до его смерти в 1918 г.

В нашем городе на Еврейском кладбище сохранилась могила первого (возможно, единственного – других мы не знаем) петрозаводского раввина. Сохранилась и часть надгробия с надписью: «Рафаил Григорьевич Кац. 25 янв. 1871 г. – 4 окт. 1918 г.».

После избрания раввина главным вопросом деятельности правления стала постройка молитвенного дома или синагоги. Для этого нужны были деньги. А единственный источник их получения – добровольные пожертвования самих членов общины. Поэтому хозяйственное правление в первую очередь и занялось сбором денежных средств. Мы уже говорили, что местная община была не очень богатой, поэтому средства собирались не так быстро, как хотелось бы.

Начать строительство помогло, как ни странно, одно печальное обстоятельство, случившееся еще в 1899 г. 23 сентября 1899 г. на местном еврейском кладбище было предано земле тело скончавшегося Залмана Кагана, как писала местная газета, «известного могилевского богача, обладавшего, как говорят, чуть ли не миллионным состоянием». Человек этот по решению суда был сослан в Олонецкую губернию. (Кстати, хотя наш край не входил в черту оседлости, принадлежность к еврейству никогда не служила препятствием для ссылки сюда евреев за разного рода преступления, в том числе и политические.) Каган был уже очень стар (во время высылки ему было 85 лет), и прожил он здесь совсем недолго – всего около трех месяцев. Жена Кагана, похоронив мужа, пожертвовала местному еврейскому обществу на общественные нужды 1000 рублей. Эти-то деньги и позволили начать строительство синагоги.

Здание начали строить в 1902 г. на Малой Слободской улице на месте под № 43. По сравнению с первоначальным проектом здания синагоги в окончательный вариант с разрешения губернского правления были внесены некоторые изменения. После 1900 г. еврейской общине удалось прикупить к ранее купленному участку земли дополнительно трехсаженную полоску, в связи с этим здание удалось расположить более удобно и, главное, над зданием предположено было воздвигнуть декоративный купол.

К лету 1902 г. здание было доведено до крыши, но дальше работы приостановились, так как не было денег на покупку кровельных материалов, а жертвования поступали туго.

Хозяйственное правление синагоги предпринимало массу усилий, чтобы ускорить сбор средств.

В этой связи следует отметить, что строительство в Петрозаводске синагоги вызвало поистине общественный интерес, и не только у еврейского населения города. Об этом красноречиво свидетельствуют неоднократные публикации в местной газете. Так, в статье «Заметки наблюдателя» 27 июня 1902 г. сообщалось о том, с каким трудом идет сбор средств на строительство, и отмечалось, что как ни странно, но наиболее неохотно жертвуют деньги люди состоятельные, которые «выставляют себя преданными своей национальности, а между тем, когда дело касается, например, до помощи на постройку храма Б-жия, они являются только патриотами до кармана». В статье от 9 марта 1903 г. автор обращал внимание читателей (думается, этот факт достоин упоминания) на то, что в числе жертвователей – «несколько фамилий почетных лиц Петрозаводска, принадлежащих к христианскому вероисповеданию», и делал весьма примечательный вывод: «это, как нельзя лучше, характеризует добрые отношения, существующие между местными евреями и христианами».

В конечном счете все трудности удалось преодолеть, и, как можно понять из дошедших до нас свидетельств, в 1904 г. синагога на улице Малой Слободской была построена. Можно представить, какое это было событие для местной еврейской общины, особенно, если знать, в каких условиях им приходилось молиться до этого...

А о том, что представляло собой здание, в котором евреям было разрешено временно молиться, красноречиво говорит одна из корреспонденций в губернских ведомостях от 25 сентября 1899 г.: «Нынешнее помещение антисанитарно, в особенности можно указать на женское отделение, занимающее комнату в 2 сажени длиною и одну сажень шириною; в этой-то комнатке еврейки, числом до 50, обречены проводить за молитвою по несколько часов в большие праздники, а если прибавить, что в этой же комнате находятся и некоторые вещи сторожа, то картина представится еще более неприглядною... Нет ничего удивительного, что с женщинами случаются обмороки...»

В субботу 28 августа 1904 г. петрозаводские евреи впервые праздновали начало Нового года – 1 Тишрея 5665 года – уже в новой синагоге. Хотя здание к этому времени было отделано только вчерне, оно, как отмечала газета, уже «производит приятное впечатление как внутри, так и снаружи: внутри устроены хоры для женщин, света и воздуха довольно много и в противоположность прежнему зданию молельни и посторонний прохожий заметит, что это дом молитвы...»

Как вспоминает старый петрозаводчанин Лев Израилевич Альшиц, здание синагоги было двухэтажное, светло-бежевого цвета, с цветными окнами, двери с медными ручками. В здании синагоги был и хедер (по крайней мере, в первые годы после революции 1917 г. он еще существовал). К сожалению, синагога сгорела в 20-е годы (точное время пожара установить пока не удалось).

В Национальном архиве Карелии сохранилась опись имущества синагоги, составленная в январе 1919 г. Документ этот имеет длинное и довольно мудреное название: «Инвентарная опись имущества, предназначенного для богослужбных и обрядовых целей, состоящего при петрозаводском еврейском молитвенном доме». Сочинялся документ коммунальными органами новой городской власти и преследовал цель национализации собственности всех религиозных организаций. Из этой описи следует, что при синагоге была «баня» (надо полагать, что так названа миква), что в самом здании находились 21 парта (именно так сказано в описи), 12 стульев, 12 скамей, один стол, два шкафа, три люстры, четыре стеновых бра. Был в синагоге венчальный балдахин. Имелись и специальные погребальные дроги.

Но главным богатством синагоги, были, конечно же, свитки Торы. В 1919 г. их числилось пять. К великому сожалению, все они бесследно исчезли, как и остальное имущество. Вполне вероятно, что все сгорело во время пожара.

Сохранившиеся в архиве документы почти ничего не сообщают о повседневной жизни общины и ее членов, не осталось в городе и людей, живших в то время, когда община активно действовала, когда работала синагога и когда петрозаводские евреи сохраняли еще верность обычаям и традиции своего народа. Поэтому все сведения наши неполны и весьма случайны. Известно, например, что весной 1904 г. в городе существовала частная библиотека, содержанием которой значился С. Эпштейн, и что этой библиотекой могли пользоваться все петрозаводские евреи. Библиотека находилась сначала на квартире Лифшица, затем переехала на квартиру Ольбриса в дом Тихонова на Сенной площади.

Видимо частная библиотека чем-то не устраивала, и в июне 1904 г. было создано под председательством все того же С. Эпштейна специальное собрание евреев по вопросу об учреждении общественной еврейской библиотеки. Состоять членами библиотеки изъявили желание 31 человек Эпштейн предложил принять в ведение общественной библиотеки его личную библиотеку. Собрание приняло решение избрать библиотечный комитет из 4 членов и 2 кандидатов. Членами комитета были избраны доктор Н. Гуревич, А. Пивоваров, Н. Парижский и Д. Кац, кандидатами – Л. Яблонский и С. Пергамент (кстати, отец известного в Петрозаводске композитора Р. Пергамента). Члены комитета обратились к губернатору с прошением разрешить открыть общественную библиотеку и читальню при ней «под личной ответственностью доктора медицины Николая Ильича Гуревича». Возражений со стороны губернатора не последовало.

Вот что сообщали об этом событии «Олонецкие губернские ведомости»: «Одним из местных евреев организована с разрешения г-на губернатора общественная библиотека-читальня, в которой получают разные газеты и журналы. Как нам передали, в настоящее время библиотека эта еще не велика, около 350 томов; пользуются ею живущие в Петрозаводске евреи. Плата за чтение книг, журналов и газет от 10 до 25 коп. в месяц; открывается библиотека для выдачи книг четыре раза в неделю. Наибольшее количество книг, находящихся в библиотеке, касаются еврейского вопроса во всем его объеме: здесь есть книги, знакомящие с бытом еврейской массы и условиями ее жизни в разных государствах, есть сочинения исторические, беллетристические, есть книги и на еврейском языке». К этому хочется добавить: все это делалось не специально выделенными или оплачиваемыми работниками, а, как бы мы теперь сказали, на общественных началах.

Петрозаводская еврейская религиозная община просуществовала до 1920-х гг. и была фактически упразднена в памятную пору яростной борьбы с религией. Это привело к тому, что мы начали забывать, что мы евреи (правда, время от времени нам это напоминали), мы практически утратили свой язык, свои традиции и обычаи. И только в 1990-е годы создались условия для возрождения еврейской жизни.

Поистине незабываемое событие произошло 18 июля 1996 г. (2 Ава 5756 г.). В этот день в Большой хоральной синагоге Санкт-Петербурга нашей общине был передан свиток Торы, приобретенный на средства, собранные членами общины Дитрих-Банхоффер-Кирхе из города Тюбингена. Таким образом, наша Петрозаводская еврейская община впервые после утрат 1920-х гг. наконец обрела главную святыню всякого еврейского сообщества – свиток Торы. С этого памятного дня по существу началось подлинное воссоздание нашей общины. 4 апреля 1997 г. еврейская религиозная община Петрозаводска была вновь официально зарегистрирована. Теперь только от нас, ныне живущих евреев, зависит, сумеем ли мы достойно воспользоваться открывшимися возможностями.